

Наследие

Моек. правда. - 1998. - 28 июля. - с.5.

Трагедия расточительного таланта

В издательстве «Согласие», известном своим уважительным и тщательным изданием классики XX века (здесь вышли собрания сочинений Георгия Иванова, Владислава Ходасевича, «Записки об Анне Ахматовой» Лидии Чуковской), готовится к выходу в свет объемный том произведений Александра Ивановича Куприна. В него войдут не издававшиеся до сих пор статьи, очерки, эссе, портреты, фельетоны, опубликованные на страницах периодических изданий русского зарубежья. Собрала и подготовила к печати наследие замечательного русского писателя старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы ИМЛИ РАН, библиограф, архивист и литературовед Ольга ФИГУРОВА.

Ольга Сергеевна, Александр Иванович Куприн - один из немногих эмигрировавших русских писателей, правда, вернувшийся умирать на родину, которого активно издавали в советское время. Выходили как отдельные издания, так и собрания сочинений, его довольно много экранизировали, его рассказы были даже включены в школьную программу. И тем не менее вам удалось разыскать и подготовить к печати неизвестные на родине вещи.

- Куприна издавали много, но мне кажется, что он до сих пор остался непрочитанным писателем. Постараюсь объяснить. Анна Ахматова в 60-е годы на заданный ей вопрос о творчестве Куприна отозвалась следующим образом: «Куприн? У него есть одна действительно хорошая вещь - «Штабс-капитан Рыбников». Это мнение мне чрезвычайно интересно тем, что оно совпадает с «общим» представлением о писателе. С именем Куприна привычно связывают прежде всего «Олесю», «Гранатовый браслет», «Поединок», реже - того же «Штабс-капитана Рыбникова».

- А вы нашли «другого» Куприна?

- В начале девяностых я работала в библиотеке Тартуского университета над монографией «Русская печать в Эстонии. 1918-1940 гг.». Тогда в поле моего зрения попали револьверные газеты девятнадцатого года с первопубликациями нескольких купринских статей. Если я скажу, что они меня заинтересовали, то это будет голая констатация факта без права на экспрессию. Скажем так: был Куприн, о чем свидетельствовала подпись под статьями, но на этом тождество лежащего в моих руках текста и «классического» представления о его авторе заканчивалось. Фраза, которая буквально притянула меня, звучала так: «А за фасадом - вонючая ноcheжка, где играют на человеческую жизнь - мечеными картами - убийцы, воры и сутенеры; под нарами в струпях и вшах, больная истерзанная Россия мечется в горячем сне». Это была яростная, беспощадная, провидческая публицистика Куприна.

- Прозаик стал публицистом?

- Этому есть своя предыстория. Кровавое месиво гатчинского и питерского быта семнадцатых-восемнадцатых годов, поход на Петроград и героическое отступление Северо-Западной армии через Гатчину в октябре-ноябре девятнадцатого в короткий срок сделали из Куприна, примыкавшего до революции к антиправительственному демократическому литературному ла-

герю, апологета свергнутой царской династии. Перед его глазами шла крестным путем вся Россия, и он был свидетелем и участником этого похода. Здесь мы сталкиваемся с тем феноменом гражданской совести русского писателя, которая в девятнадцатом году заставила кричать Леонида Андреева: «SOS!». Это уже генетически в крови русской литературы, происходит какой-то сдвиг в сознании писателя: отступает проза, чистая пирика, в общем, «кисть художника» сменяется «шпагой публициста». Мне кажется, что поворот к публицистическому жанру в девятнадцатом году у Куприна очевиден. Другое дело, что как художник он его явно не жаловал.

- К каким же выводам пришел Куприн-публицист?

- Судя по всему, Куприн стремился еще на стадии накопления материала быстро подвести его к некоему аналитическому синтезу. Его интересовали в первую очередь истоки октябрьской катастрофы и причины поражения Добровольческой армии в гражданской войне. Этим событиям посвящен очерк с хлестким заголовком «Сволочь», появившийся в 1920 году на страницах гельсингфоргской газеты «Новая русская жизнь». Содержание его сильно обезличивается в вольном пересказе, я позволю себе небольшую цитату, чтобы сохранить все великолепие купринских интонаций: «...несмотря на прекрасный человеческий материал у нас из всех классов и слоев общества постоянно и неизбежно высачивались - и при этом в количестве ненормальном - те отбросы, которые составляли отдельный огромный класс сволочи».

Попрошайки, приживальщики, содержанцы, вымогатели, босаки, странники, нищие, добровольные шуты, злосчастные неудачники, самонятельные недоучки, нищешанцы из ноcheжек, красноречивые пропойцы и т.д. - вот та питательная среда, которая легко и охотно приняла семена, брошенные Лениным... Разве разрушение не первая утеха для сволочи? Комментарию, я думаю, излишни.

- По-моему, эта цитата больше всего соотносится с нашим временем. Александр Иванович был провидцем.

- Это особая и довольно серьезная тема. Без сомнения, Куприн обладал редким даром бесконечного провидчества. Многие публицистические очерки Куприна, мыслимые им самим как «моментальная фотография», по мере удаления в прошлое обретали ореол сбывшегося пророчества. И разве в политическом разногласии сегодняшнего дня не проступают следующие фразы: «Нам, чтобы долой всех коммунистов... но чтобы

ная». Так вот, говоря о сотрудничестве Куприна в парижских периодических изданиях («Общее дело», «Русская газета», «Возрождение»), Ксения черным по белому пишет, что Куприн всегда плохо разбирался в политике, был в ней наивным дилетантом, как человек увлекающийся, легко впадал в зависимость от объекта своих эмоциональных симпатий. Мне кажется, что это фантастическое утверждение не имело бы столь долгой жизни, если бы на страницах своих воспоминаний Ксения предоставила слово самому Куприну, то есть открыла необ-

ходимое пространство для прямой речи писателя, не прибегая к раздраженному цитированию, обрыву и искусственным связкам текста. Во всяком случае во Францию Куприн приехал уже с четко сложившимися дифференцированными политическими симпатиями и антипатиями. Его первые публикации в буржеской газете «Общее дело» (статья «Генерал П.Н.Врангель» и цикл очерков «Русские коммунисты») - это работа зрелого публициста, человека скорее искушенного в политике, чем новичка и дилетанта.

- Но, возможно, годы, оторванность от России, известный недуг со временем сделали свое дело?

- Я сейчас не хочу специально останавливаться на подробностях быта Куприна в эмиграции. Книге предпослана большая вступительная статья, моей задачей было сделать ее достаточно информативной. Приведу лишь небольшой эпизод, рассказанный Андреем Седых со слов лечащего врача Куприна на страницах «Иллюстрированной России», который, к сожалению, не кажется мне анекдотом. «Куприн однажды сказал, что хочет ехать в Россию. - Как же вы поедете, Александр Иванович? Ведь там же большевики...

- Кстати, и о Куприне писали многие, и подчас это довольно противоречиво, а иногда и не лестные отзывы.

- Из мемуарной литературы о Куприне, я имею в виду прежде всего жанр «семейной хроники», и по сегодняшний день основным считаются две книги: воспоминания Иорданской-Куприной, первой жены писателя, и мемуары дочери Куприна, Ксении, «Куприн - мой отец». Первую книгу оставлю без комментариев по одной единственной причине - она охватывает период жизни Куприна до отъезда из Советской России, вторая же, на мой взгляд, принимая во внимание довольно щекотливое положение автора (она вернулась в Союз после сорока с лишним лет эмиграции) и годы ее написания (семидесятые, до «перестройки» еще десять лет), была задумана во многом как сознательная дезориентация советского читателя. Кстати, я не исключаю возможность вынужденного «состворства» Ксении Куприной с известной категорией работников литературы и искусства, в тридцать седьмом году активно «помогавшей» Куприну проставить свой автограф под заведомо фальсифицированными текстами. Я имею в виду появившиеся на страницах «Известий» печально знаменитые очерки «Отрывки воспоминаний» и «Москва род-

ная». Так вот, говоря о сотрудничестве Куприна в парижских периодических изданиях («Общее дело», «Русская газета», «Возрождение»), Ксения черным по белому пишет, что Куприн всегда плохо разбирался в политике, был в ней наивным дилетантом, как человек увлекающийся, легко впадал в зависимость от объекта своих эмоциональных симпатий. Мне кажется, что это фантастическое утверждение не имело бы столь долгой жизни, если бы на страницах своих воспоминаний Ксения предоставила слово самому Куприну, то есть открыла необ-

ходимое пространство для прямой речи писателя, не прибегая к раздраженному цитированию, обрыву и искусственным связкам текста. Во всяком случае во Францию Куприн приехал уже с четко сложившимися дифференцированными политическими симпатиями и антипатиями. Его первые публикации в буржеской газете «Общее дело» (статья «Генерал П.Н.Врангель» и цикл очерков «Русские коммунисты») - это работа зрелого публициста, человека скорее искушенного в политике, чем новичка и дилетанта.

- Но, возможно, годы, оторванность от России, известный недуг со временем сделали свое дело?

- Я сейчас не хочу специально останавливаться на подробностях быта Куприна в эмиграции. Книге предпослана большая вступительная статья, моей задачей было сделать ее достаточно информативной. Приведу лишь небольшой эпизод, рассказанный Андреем Седых со слов лечащего врача Куприна на страницах «Иллюстрированной России», который, к сожалению, не кажется мне анекдотом. «Куприн однажды сказал, что хочет ехать в Россию. - Как же вы поедете, Александр Иванович? Ведь там же большевики.

- Кстати, и о Куприне писали многие, и подчас это довольно противоречиво, а иногда и не лестные отзывы.

- Из мемуарной литературы о Куприне, я имею в виду прежде всего жанр «семейной хроники», и по сегодняшний день основным считаются две книги: воспоминания Иорданской-Куприной, первой жены писателя, и мемуары дочери Куприна, Ксении, «Куприн - мой отец». Первую книгу оставлю без комментариев по одной единственной причине - она охватывает период жизни Куприна до отъезда из Советской России, вторая же, на мой взгляд, принимая во внимание довольно щекотливое положение автора (она вернулась в Союз после сорока с лишним лет эмиграции) и годы ее написания (семидесятые, до «перестройки» еще десять лет), была задумана во многом как сознательная дезориентация советского читателя. Кстати, я не исключаю возможность вынужденного «состворства» Ксении Куприной с известной категорией работников литературы и искусства, в тридцать седьмом году активно «помогавшей» Куприну проставить свой автограф под заведомо фальсифицированными текстами. Я имею в виду появившиеся на страницах «Известий» печально знаменитые очерки «Отрывки воспоминаний» и «Москва род-

ная». Так вот, говоря о сотрудничестве Куприна в парижских периодических изданиях («Общее дело», «Русская газета», «Возрождение»), Ксения черным по белому пишет, что Куприн всегда плохо разбирался в политике, был в ней наивным дилетантом, как человек увлекающийся, легко впадал в зависимость от объекта своих эмоциональных симпатий. Мне кажется, что это фантастическое утверждение не имело бы столь долгой жизни, если бы на страницах своих воспоминаний Ксения предоставила слово самому Куприну, то есть открыла необ-

ходимое пространство для прямой речи писателя, не прибегая к раздраженному цитированию, обрыву и искусственным связкам текста. Во всяком случае во Францию Куприн приехал уже с четко сложившимися дифференцированными политическими симпатиями и антипатиями. Его первые публикации в буржеской газете «Общее дело» (статья «Генерал П.Н.Врангель» и цикл очерков «Русские коммунисты») - это работа зрелого публициста, человека скорее искушенного в политике, чем новичка и дилетанта.

Беседу вел
Ольга УВАРОВА.